Государственная
ордена
БИБЛИОТЕКА
СССР
им
В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА

№ 2 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов ФЕВРАЛЬ 1956

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ — *Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА*

Осенью приехал в рыбацкий посёлок в отпуск незнакомый человек. Привёз он с собой удочки в матерчатом чехле и такую хорошую улыбку, что к нему потянулись и большие и маленькие. Это был лётчик, звали его Николай Сергеевич. Он был не только весёлым человеком, но и щедрым.

— Нужны тебе крючки? Бери, пожалуйста... Лески у тебя нет? Вот тебе леска, как струна крепкая...

Кто отродясь не рыбалил, теперь обзавёлся удочкой. С самим лётчиком полно ребят в лиман выезжает на байде, а следом ещё две-три лодки идёт. Особенно привязались к нему шесть ребят-погодков из четвёртого класса. Они и до встречи с Николаем Сергеевичем вместе держались, вместе и теперь за ним ходили.

Как-то лётчик улыбнулся и сказал:

— Вы мне собственное детство напомнили... Только нас было на одного больше — семеро было. А верховодил у нас Аркадий... Выдумщик был! Один раз говорит нам: «Интересное совпадение, ребята: в Большой Медведице семь звёзд — и нас семеро. Звёзды всегда вместе — и нас водой не разольёшь... Медведица в народе ещё ковшом называется, и, говорят, в том ковше брага дружбы пенится... Давайте мы эти звёзды поделим между собой!» Понравилась нам эта выдумка. Стали мы называть себя Большой Медведицей... Мне, как самому маленькому, последняя звезда на хвосте досталась...

— И вы всё время были потом вместе?— спросил Костик, который считался у ребят за старшего.

— Нет... Но друг друга из виду не теряли. Надо было — приходили друг другу на выручку... А теперь вот, после войны, не знаю, может быть, я один от всей Медведицы остался...

— И Аркадий погиб?

— Не знаю, ребята. Не знаю... — ответил Николай Сергеевич, задумался и вдруг

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

сказал: — Знаете что? Принимаю вас в Медведицу! Согласны?

Просто непонятно, как ребята дождались вечера. Кому какая достанется звезда?

— Чур, мне первая! — крикнул Алёшка.

— Почему это? — возмутились ребята. — Или ты лучше всех?

— Не спорьте... — сказал лётчик. — Поделим по алфавиту.

Алёшке досталась предпоследняя звезда, и он надулся.

— Давай меняться... — предложил Костик. — У меня первая.

— А почему ты меняешься? — насторожился Алёшка.

— Какое тебе дело? Хочу — и меняюсь.

— Ладно. Только менки — не разменки!..

— Менки — не разменки, — согласился Костик. — А менялся я потому, что теперь буду рядом с Николаем Сергеевичем.

Алёшка вновь было надулся, но быстро отошёл. «Всё-таки первая звезда важнее», — решил он.

— Ну, друзья, — сказал Николай Сергеевич, — дело это вроде шуточное, но в нём и серьёзного много, если по-настоящему на дружбу смотреть... Кстати, какие у Медведицы планы на завтра?

— У меня на сегодня есть план! — заявил Алёшка. — Знаете, сколько тарани привезли рыбаки из лимана? И какая тарань! Идёмте на ночь в лиман!

Решили ехать. Ребята сели на распашные вёсла, лётчик — на кормовое. Поплыли. Когда прошли островок, поросший камышом, Алёшка сказал:

— Здесь старики брали тарань... Сегодня будем с рыбой!

— Уже считаешь? — набросился на него Никита, не любивший считать улов, да ещё и не пойманный: плохая примета!

Так и вышло: просидели час-другой, ни у кого ни одной поклёвки. Заскучали все. Как-то странно притих и Николай Сергеевич. И вдруг он сказал:

— А что, ребята, не смотать ли нам удочки? Погода мне не нравится...

— Сейчас взойдёт луна, и вот увидите, какой начнётся клёв, — сказал Алёшка.

Взошла луна. Она была похожа на разрезанный арбуз — круглая и красная. Но следом за луной поднялась в небо чёрная туча, похожая на дракона. Дракон догнал луну, раскрыл пасть и проглотил её.

— Сматывайте удочки! — неожиданно строго приказал лётчик.

— Николай Сергеевич! Клевать начинает! Смотрите! — закричал Алёшка и выхватил из воды крупную тарань.

— Сматывайте! — ещё строже приказал Николай Сергеевич. — Ломайте якоря... Разбирайте вёсла...

Тяжёлая байда медленно двинулась против течения к посёлку, мерцавшему огоньками на той стороне лимана.

Бывает, и ураган начинается с лёгкого ветерка. Первого порыва ветра ребята даже не заметили, второй заставил их поёжиться, после третьего порыва байда стала, точно уткнулась носом в береговой песок. И сразу же хлынул дождь. Хлёсткий, ливневый, холодный.

— Ложитесь на дно байды! — крикнул лётчик, сорвал с себя плащ и набросил на притихших ребят.

В посёлке стали гаснуть огни...

Утром Николай Сергеевич не смог слезть с печи, куда уложила его хозяйка, тётка Марфа. Не помогли ни чай с вином, ни растирание гусиным салом, ни тулуп с валенками.

— Воспаление лёгких...—сказала фельдшерица Клава. — В больницу надо...

Тётка Марфа забеспокоилась: ливень размыл дорогу, на море бушевал шторм, посёлок был отрезан от города.

— Только на лошадях или на быках можно, — сказала она.

— Нет, нельзя... Шестьдесят километров по такой дороге? Не выдержит он... Я позвоню в город и буду пока делать всё, что смогу, — решила Клава.

Её соединили с госпиталем. Врач-полковник подробно расспросил её обо всём, дал совет, что делать, и на прощанье сказал:

— Держитесь, я вылетаю к вам.

Ребят в хату не пустили, а тётка Марфа даже накричала на них:

— Всё из-за вас, сорванцов! Вы, как судаки, лежали на дне байды, а он, бедняга, таскал вас по лиману до света. Залез в ледяную воду и тащил через меляки...

Ребята не оправдывались, но и со двора не уходили. Только было их во дворе всего пять. Шестой в это время бродил за посёлком по берегу моря.

Клаве удалось немного «сбить» температуру, и лётчик пришёл в сознание.

— А где же Большая Медведица? — спросил он.

— Бог с тобой, Сергеевич! Какая медведица? У нас и волчишки паршивого не встретишь... Видится тебе это с жару... — стала успокаивать его хозяйка.

Но даже сильный жар не сжёг весёлой улыбки у этого человека. Он показал глазами на окна:

— А там кто стоит?

— Да ребята там... Я их шугну рогачом, чтобы тебе бог весть что не казалось...

— Гнать не надо... Зовите их сюда... Всех, всю Медведицу...

Звать не пришлось: разве могли ребята, следившие за каждым вздохом своего больного друга, пропустить тот его взгляд, каким он позвал их?

— А вы говорите, что у вас Медведиц не водится... — пошутил лётчик. — Вот она... В полном составе...

Но тут же взгляд лётчика беспокойно забегал по лицам ребят. Он даже голову приподнял.

— Не все? — удивился он.

— Прогнали мы Алёшку... — глухим голосом сказал Костик. — Из-за него всё вышло... И еще хапуга он... Аж две лески у вас хапнул...

— И крючков нахапал... На рыбу жадный, — добавил Никита. — Поймает судачонка в палец — не отпустит... Не нужен нам такой в Медведице...

— Не нужен? Так... Он вам не нужен... А вы ему? Об этом подумали?

Николай Сергеевич устало закрыл глаза и отвернулся к стене. Хозяйка замахала на ребят полотенцем, точно хотела их, как мух, выгнать за порог.

— Надо разыскать Алёшку, — сказал Костик.

Нашли они его не скоро, только после того, как кто-то сказал им, что видел его за посёлком на берегу. Алёшка сидел на мокром песке, низко опустив голову.

— Видали? — сказал Никита. — Его Николай Сергеевич спрашивает, а он на бережке прохлаждается.

— Ври больше... — не поверил Алёшка.

— Спрашивал, — подтвердил Костик.

Только было хотели ребята бежать в по-

сёлок, как над головами у них послышался необычный шум мотора. Огромная красная стрекоза опускалась с неба.

— Вертолёт! За ним! Надо показать дорогу! — крикнул Костик.

Первым из вертолёта вышел высокий полковник с чемоданом в руке. Под его шинелью ребята приметили белый халат.

Ребята и не пытались попасть в хату.

Они уселись стайкой на камышовых снопах перед окнами и нахохлились, как воробьи в непогоду. Сидели, молчали, не спускали глаз с окон, вздрагивали при каждом лязге щеколды. К вечеру на снопах уже не осталось ни одного свободного места — прибежали почти все ребята из посёлка.

Из хаты выбежала Клава, и все подались к ней с немым вопросом. Она только головой крутнула и бросила на бегу:

— Нельзя сейчас везти... Нетранспортабельный...

Это слово показалось ребятам таким страшным, что они ещё теснее прижались друг к другу.

Загорелась первая звезда, вторая, десятая... Засияла Большая Медведица. Дважды выходил из хаты полковник в белом халате. Он шагал по двору, курил папиросу за папиросой. Один раз он остановился и долго смотрел на небо. Ребята были уверены, что смотрел он на Большую Медведицу.

А ковш Медведицы кренился и кренился, последняя его звезда, звезда Николая Сергеевича, всё ниже опускалась к земле, и от этого у ребят всё сильнее щемило сердце.

С рассветом снова на снопах нельзя было отыскать свободного местечка. Ребята приходили с портфелями, чтобы прямо отсюда итти в школу... И вот, по каким-то неуловимым признакам, по блеску глаз фельдшерицы, по походке полковника, даже по тому, как потянулся у двери один из лётчиков с вертолёта, хрустнув суставами, — ребята поняли: другу стало легче.

А когда поднялось солнце, Николая Сергеевича, укутанного одеялами, вынесли на носилках из хаты. Он очень изменился за эти сутки. Но и теперь он оставался весёлым человеком. Запавшие глаза его лучились, и на осунувшемся лице играла улыбка.

— Аркадий! Подожди минуту... — попросил он. — Видишь их? Это Большая Медведица...

— Что? Медведица? Вот это интересно... — пробасил полковник. — Только почему их не семь, а все семьдесят семь?

— Ничего... — улыбнулся Николай Сергеевич. — Это только на небе в созвездии Большой Медведицы старые звёзды не затухают, новые не загораются... А наши созвездия дружбы пусть растут и светят ярче небесных... Это хорошо... Пусть!

З. ТЕЛЕСИН

Грачи

Рис. А. ПАУКОВА

У нас на старом яворе
В лощине, где ручей,
С весны до поздней осени
Жила семья грачей:

Папа-грач,
И мама-грач,
И пятеро грачат.
Не слышно, как петух поёт,
Когда они кричат.

Сказал бы кто-нибудь из них
Другому: «Не кричи», —
Так нет, никто не скажет так,
На то они грачи.

Бывало днями летними
Лежу я у ручья,
Гляжу, чем занимается
Грачиная семья:

Папа-грач,
И мама-грач,
И пятеро грачат, —
Куда летят,
Зачем летят
И что они едят?

Вот высунулся из гнезда
Взъерошенный отец.
А вот грачихи голова —
На ней как бы чепец.

И улетел куда-то грач
С грачихою своей.
Птенцы кричали им вослед:
«Вернитесь поскорей!»

Но не прошло пяти минут,
Они назад летят.
Раскрыли рты — гляди-ка ты! —
Пятеро грачат...

И снова отправляются
Родители в полёт,
И снова открывается
Воронкой каждый рот.

И снова начинается
Кормление птенцов.

Лишь к вечеру кончается
Галдёж в конце концов.

* * *

Недавно мимо явора
Я гнал гусей домой.
Я поднял кверху голову —
Вот грач знакомый мой.

С грачихой и грачатами
Стоял, как никогда
Серьёзный и внимательный,
На краешке гнезда.

Грачата очень выросли,
И трудно их узнать:
Один птенец —
Точь-в-точь отец,
Другой похож на мать.

Они вот-вот отправятся
Туда, где нет зимы...
Но знаю я: придёт весна,
И будем вместе мы.

Но не успел подумать я —
Гляжу, уже летят
Папа-грач,
И мама-грач,
И пятеро грачат.

Мой первый класс

ЮРИЙ НАГИБИН

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

В канун революции наша маленькая цыганская семья после долгих и трудных скитаний осела в зажиточной станице Позднеевке.

Мы поселились в старой хатёнке, стоявшей на краю огромного фруктового сада.

Я жил среди деревьев, под звон пчёл и цикад, бездумный и беззаботный, отогреваясь домашним теплом после всех наших мытарств, и нисколько не думал о будущем. Отчим лудил котлы, чернил чугуны, сшивал сковороды. Получал он за свою работу копейки, но после таборной нищеты и эта жизнь казалась зажиточной. Я от души считал, что нет мне другой заботы, как петь песни, вдыхать запах цветов и объедаться яблоками...

Словом, всё шло к тому, чтобы я превратился в одного из тех ленивых, никчёмных молодых цыган, что живут, как птицы небесные, милостью добрых людей.

Но одно происшествие нарушило безмятежный ход моей жизни. Мама задумала отдать меня в школу. У цыган, даже оседлых, не было в обычае, чтобы дети учились в школе, но мы, живя вдали от своего племени, приобрели все привычки русских.

Хотя я завидовал молодым ребятам, которые читали книги и даже газеты, но в школу итти мне не хотелось. Смущало меня и то, что мне, двенадцатилетнему парню, придётся сидеть в первом классе вместе с малышами.

Я был худой, тонкий, но притом рослый мальчик, с широкими плечами и кудрявым чубом. Пришлось очень долго уламывать учителя, прежде чем он согласился принять меня в школу.

День, когда меня снаряжали в школу, был самым большим днём в жизни моей матери. Оказывается, она давно готовилась к этому торжеству. Меня одели во всё новое: брюки в полоску, вышитая косово-

ротка, хромовые сапоги, картуз, пахнущий клеем, ранец, в который мама заботливо уложила завтрак. Когда с козелковым ранцем за спиной я зашагал в школу, мать долго махала мне вслед косынкой и той же косынкой утирала слёзы.

Позднеевская школа состояла из одной большой комнаты, где занимались сразу все четыре класса. Каждый ряд был классом.

Первоклассники сидели в первом ряду, второклассники — во втором и т. д. В то время как мы, новобранцы, зубрили азбуку, другой класс решал арифметическую задачу, третий учил стишок, четвёртый долбил какое-то правило. Каждый «класс» производил свой особый шум, и, сливаясь воедино, эти шумы наполняли школьное помещение гудом пчелиного роя. Я удивлялся, как учитель не терял голову в этом гаме и кутерьме.

Надо сказать, что мое появление в школе отнюдь не способствовало порядку. Учитель вёл занятия с нами вперемежку. Едва я занял своё место рядом с малышом, не достигавшим мне до плеча, как на меня обрушились насмешки. Конечно, при моём росте, ширине плеч, курчавом чубе я был смешон среди малышей-первогодков, и в душе я не мог осудить насмешников. «Привыкнут — перестанут смеяться», — думал я, терпеливо принимая в затылок шарики из жёваной бумаги, которыми обстреливали меня старшеклассники.

Но уже на первой перемене мне стало ясно, что дело тут не в моей великовозрастности, а в моих чёрных кудрявых волосах, в моей смуглой коже, в моём звонком «р».

Каждый старшеклассник норовил толкнуть меня, наступить на ногу, ущипнуть, дёрнуть за волосы.

— У-у-у, черномазый!..

— Эй, цыган, коня украл?

— Цыган — вор!..

Если бы не уважение к школьным стенам, я бы, верно, не удержался и отвесил кое-кому добрую оплеуху. Не решился я и уйти: слишком живо помнилось мне счастливое, заплаканное лицо мамы.

Позднеевка делилась на несколько «краёв». Была Миллионовка — край кулаков-богатеев и зажиточных хозяев; Поповка — край деревенской голытьбы; Таврия — там обитал сбродный народ: деревенские ремесленники, вроде моего отчима, станционные служащие, садоводы.

Когда занятия в школе окончились, я заметил, что лишь немногие школьники отправились в Таврию, а все остальные в другую сторону, к Миллионовке. И тут я всё понял. Я увидел сытые, гладкие лица кулацких сынков и понял, что их злоба ко мне никогда не пройдёт.

Когда я обогнул старую церковь, навстречу мне вышла вся ватага. Они, видно, пробежали низом.

— Если ты, цыганское отродье, ещё сунешься в школу, рыло свернём, — пообещал мне старшой ватаги.

Я молча двинулся своей дорогой. Во мне всё кипело, но я боялся драки, не из-за себя,

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

а из-за новой рубашки, новых брюк в полоску, любовно отглаженных мамой. И тут кто-то сзади дал мне подножку. Я размахнулся и, не метя, ударил кого-то.

Хромой сторож Микула обнаружил в бурьяне мое бездыханное тело. Он кликнул на помощь прохожего, и вдвоём они принесли меня домой...

Бедная мама так плакала, что я готов был каждый день возвращаться из школы избитым, только бы утешить её.

— В чём ты теперь пойдёшь, горемычный мой! — горестно вздыхала мама, указывая на жалкие лохмотья, в какие превратилась моя новенькая одёжа.

Но учиться мне хотелось: даже побои не смогли изгнать из моей души очарование мудрёной буквы «ф», о которой я узнал на первом и единственном в моей жизни уроке. А главное, я хотел теперь учиться назло кулацким сынкам, изгнавшим меня из школы.

Раздобыв учебники и тетрадки, я в каких-нибудь два месяца одолел премудрость первых двух классов. Никогда не забуду, как поразил я маму, прочтя на печатке чая: «Китайский чай, сорт номер три».

— Этот мальчик какое-то чудо! — сказала мама, заплакала, дала мне «на каждый день» починенные брюки в полоску и купила за тридцать копеек тетрадь в клеёнчатой обложке.

...Осень в том году выдалась на редкость тёплая, даже жаркая, вторично зацвели вишни. Я сидел под густым вишнёвым цветом и играл на цимбалах. Но короткий и печальный опыт школьной учёбы прогнал мир и покой из моей души. Глухой, высокий забор окружал сад, за этим забором был чужой, враждебный и манящий мир. Я думал о нём с тоской и страхом и ведать не ведал, как близка та пора, когда бедный, обездоленный человек станет хозяином в этом большом мире.

ЕВГ. ФАЙЕРАБЕНД

НА ЛЕСОПИЛКЕ

Хорошо на лесопилке!
Всюду запахи смолы.
Брызжут лёгкие опилки,
Словно снег, из-под пилы.

А пила здесь не простая:
Так быстра и так остра —
Из опилок вырастает
Сразу целая гора.

И не люди — сила тока
Вертит круглую пилу.
Брёвна движутся потоком
К раме — длинному столу.

Режет дерево свободно
Эта круглая пила,
Разрезает как угодно:
Поперёк и вдоль ствола.

Если вдоль — так будут доски,
Поперёк — так чурбаны.
И какие-то полоски
Всё на дереве видны.

Это кольца годовые,
Словно справка о летах.
Может, слышишь ты впервые
О подобных паспортах?

Подсчитай отметки эти.
Означает их число,
Сколько лет на белом свете
Это дерево росло,
Чтобы стать фанерой гладкой,
Ученической тетрадкой,
Разноцветною пластмассой
И большой доскою классной.

БОЛГАРСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ГЕОРГИЙ ГУЛИА
Рис. А. ЛИВАНОВА

Дорогие ребята!

Недавно я побывал в Болгарии. Перед отъездом из Москвы редакция «Мурзилки» попросила меня:

— Привезите для ребят болгарские сказки про Хитрого Петра.

Я пообещал.

В народной Болгарии я видел новые города, новые фабрики и заводы, красивые сёла в осеннем убранстве, высокие Родопские горы и Придунайские равнины. Бывал и в школах, разговаривал с учениками. Они меня всё спрашивали:

— Как живут советские ребята?

— Хорошо ли учатся?

— Что они делают в часы отдыха?

На все вопросы приходилось отвечать подробно.

Могу вам сказать, что ученики и ученицы в Болгарии — прилежные, в школе ведут себя дисциплинированно, слушаются своих родителей. Дети просили передать советским ребятам горячий привет, что я с удовольствием и делаю.

В Болгарии я увиделся с известным писателем Ангелом Каралийчевым, автором многих рассказов и сказок для детей. Он мне посоветовал взять для «Мурзилки» три народные сказки, которые печатаются в этом номере журнала.

Может быть, кто-нибудь из ребят и слыхал их, но уверен, что таких будет очень немного. Поэтому я и решил пересказать их для вас.

О ЧЁМ РАССКАЗАЛИ РЫБЫ

Однажды в село привезли рыбу. Целую телегу. Стоит купец и расхваливает свой товар: дескать, и такая рыба, и этакая, и свежести необыкновенной — словом, цены ей нету.

Крестьяне обступили телегу. Протиснулся сквозь толпу и Хитрый Пётр. А глаз у Петра острый, нюх — прекрасный. Тотчас же приметил — несвежая рыба. А купец всё пуще хвалит её: поскорее сбыть хочет.

Достал Хитрый Пётр маленькую рыбёшку и поднёс её к своим губам, а потом — к самому уху и слушает внимательно, словно рыба ему что-то нашёптывает.

— Что ты делаешь? — спросили Петра крестьяне.

— Ничего особенного,— ответил Пётр,— разные морские новости выведываю.

— И что же тебе сообщила эта рыбёшка?

— «Да старые всё новости», — говорит мне она. — «Почему старые? — спрашиваю её. — Разве ты не вчера со дна морского прибыла?» — «В том-то вся штука, что нет, — отвечает мне рыбёшка. — Мы четвёртый день в этой телеге валяемся».

Крестьяне смекнули, в чём дело, и купца погнали прочь.

ЖАДНЫЙ ТОРГОВЕЦ

Случилось так, что усталый и голодный Хитрый Пётр попал на ярмарку. Очень хотелось ему поесть чего-нибудь, а у самого — корка хлеба в дорожном мешке и ни гроша в кармане. Что делать?

Вот шагает Пётр мимо харчевни. Прямо на виду жарится мясо, а в больших кастрюлях варятся вкусные супы.

У одной кастрюли, из которой валил густой пар, Хитрый Пётр остановился в раздумье. Наконец он достал из мешка корку хлеба, отломив кусочек, хорошенько попарил его и положил себе в рот. Так он понемногу съел всю корку и только собирался уходить, как его схватил за руку толстый и очень жадный торговец.

— Эй, бродяга! — закричал торговец. — Плати деньги!

Пётр удивился.

— За что же? — сказал он. — Я же ничего у тебя не покупал.

— А хлеб ел?

— Но это же мой хлеб!

— А пар? Не будь этого вкусного пара над кастрюлей, ты никогда бы не одолел сухой корки. Плати деньги!

— У меня нет денег! — И в доказательство своих слов Хитрый Пётр вывернул карманы.

Как это обычно водится на ярмарке, собрался народ, чтобы поглядеть, чем всё это кончится.

— Раз у тебя нет денег, — говорит тор-

говец, — получай десять ударов палкой. Это и будет плата.

Подумал Пётр, почесал затылок, да и говорит:

— Ладно. Бей!

Он стал на солнцепёке и обратился к толпе с такой речью:

— Добрые люди! Верно, я полакомился пищей, не прикасаясь к ней. Мне нечем платить за это, и, как видно, должен я понести наказание... Вот моя тень, хозяин. Бей её и не прикасайся ко мне!

Люди пристыдили жадного торговца, а Хитрого Петра похвалили за находчивость.

ХИТРЫЙ ПЁТР И ЭФФЕНДИ

Как-то повстречал Хитрого Петра богатый турок — эффенди. Немало людей надул этот самый эффенди и прослыл в своём народе отъявленным лжецом.

— Ты и есть Хитрый Пётр? — спросил эффенди.

— Да, это я, — ответил Пётр.

Эффенди сказал:

— Я слышал, что ты очень хитёр и можешь обмануть хоть кого. А меня провести ты сумел бы?

— Нет, эффенди, — сказал Пётр, — я не обманываю честных людей. Но тебя надул бы не без удовольствия.

Эффенди обиделся на Петра за то, что тот его за честного человека не считает. А Хитрый Пётр продолжал:

— Но прежде чем мы померяемся с тобой, я схожу к себе за дорожным мешком: я в нём свои враки храню. А ты подожди меня на этом самом месте.

— Согласен, — сказал самоуверенный эффенди, — тащи свой мешок!

Ждал эффенди Хитрого Петра час, ждал два, прождал весь вечер, всю ночь — так и не дождался. Наутро плетётся эффенди, зелёный от злобы. Видит: шагает по улице Хитрый Пётр как ни в чём не бывало.

— Что, Пётр, испугался моего обмана? — ядовито спросил эффенди.

— И не бывало эффенди! — отозвался Хитрый Пётр. — Я тебя обманул и без моего дорожного мешка с враками: всю ночь ты промаялся. Что было бы с тобой, если бы я вернулся с мешком?

ЗАБАВНЫЕ МАЛЫШИ

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

На берегу Чёрного моря, возле города Сухуми, находится замечательный питомник. Там разводят обезьян. Обезьяны живут в питомнике в просторных клетках — вольерах.

Обычно своего детёныша воспитывает сама обезьяна-мать. Ну, а если случится, что она заболела и не может ухаживать за малышом, тогда его помещают в особые, обезьяньи, ясли. О некоторых питомцах этих яслей я и хочу рассказать.

В питомнике была обезьянка-макака, по кличке Хризантема. У неё родился детёныш, а через месяц Хризантема тяжело заболела. Малыша пришлось поместить на воспитание в ясли. Назвали малыша Амкой. Он был так мал, что мог уместиться на ладони, даже на спичечной коробке свободно сидел. Амка был удивительно некрасив: почти весь голый, только немножко чёрной шерсти на спине да на голове. Но зато на голове волосы торчали на две стороны, будто их на пробор расчесали.

Первые дни, когда Амку отняли от матери и принесли в ясли, он очень скучал. Сядет бывало в уголок клетки, сложит губы трубочкой и тихонько укает: «У-у-у-у!..» К счастью, Амка тосковал по своей матери совсем недолго. Очень скоро он успокоился, привык к людям и совсем повеселел.

А сколько интересного и забавного удалось подметить, наблюдая за ним! Ну, прежде всего Амка был страшный собственник. Когда он попал в ясли, была зима. Малышам в клетки клали матрасик, резиновую грелку с тёплой водой, и всё это застилали простынкой, а сверху ещё детёнышей укрывали тёплым одеяльцем.

Вот Амка лежит на грелке под одеяльцем и сосёт соску-пустышку. Если его в это время попытаться взять на руки, он старается захватить с собой всё имущество: простынку, грелку, одеяльце, даже матрасик, — ничего оставлять не хочет, всё тащит с собой. А сам сердится, кричит. А крик-то какой у него был забавный, будто он вас прогнать хочет. Ясно-ясно так выговаривает: «Уйди, уйди! Пусти, пусти!»

А один раз совсем потеха вышла. Пришёл в питомник кто-то из посторонних. Амка в это время лежал, отдыхая, в своей кроватке. Гость захотел его приласкать. Только попытался взять на руки, Амка как вцепится в своё добро да как запищит на всю комнату: «Уйди! Уйди-ти-и-и-и! Пусти-ти-и-и-и-и!..»

— Ишь, какой вежливый, — изумился гость, — даже на «вы» разговаривает!

Конечно, ни о какой вежливости Амка и понятия не имел, просто пищал от злости. Но уж больно забавно это у него получилось, будто и впрямь с чужим человеком на «вы» разговаривал.

Очень интересно у него с едой выходило. Кормили малышей молоком из бутылки с соской. В молоко перед кормлением подсыпали сахар. Амка, видимо, всё это подметил. Вот однажды дают ему молоко. Он схватил соску в рот, потянул из неё, да как выплюнет — ни за что больше сосать не хочет. В чём тут дело? Молоко попробовали. Оказывается, оно не сладкое: сахару позабыли подсыпать. Всыпали в молоко ложку сахара. Опять Амка не пьёт. Может, ещё не сладко? Насыпали вторую. Вот тогда засосал с удовольствием. С тех пор так и следит бывало, не мало ли сахару насыпали. Если видит, что мало, ни за что пить не станет. Работники питомника прозвали его «дегустатором».

Вообще с Амкой было много всяких потешных приключений. Один раз гулял он по столу. Дело было зимой, и Амка разгуливал в зелёном стёганом халатике. Прямо живой куклёнок.

Вдруг послышался отчаянный писк. Прибежала няня. Смотрит: Амка сидит на краю стола, пищит, а потом начинает ладошками бить себя по щеке. Няня подошла к нему, а он пальцем себе в рот тычет, будто что-то показывает. Отвернула няня ему губу, глядит — у него камешек между губою и челюстью застрял. Начала она камешек вынимать. Амка тихонько сидит и не сопротивляется. Вынула, показывает ему. «Разве можно, — говорит, — всякую гадость в рот тащить?» Он как будто всё понимает, сердито так на камень взглянул и отвернулся: нечего, мол, показывать, сам знаю.

В яслях, кроме Амки, были тогда и другие обезьяньи малыши. И вот очень интересно было наблюдать, как они друг к другу относятся. Обычно, как и у взрослых обезьян, одни малыши, более крупные и сильные, опекают тех, кто послабее, нянчат их, таскают на себе.

Интересно, что малыши по-разному относились и к тем людям, которые за ними ухаживали. У каждого малыша была своя любимая няня. Однажды такой опыт проделали: стали няни в кружок вокруг стола, а на стол малыша посадили. К кому он пойдёт?

Первую секунду — полное недоумение: кругом няни, все в белых халатах, в белых косынках, все как будто на одно лицо. Но это только секунда, в следующую малыш уже стремглав понёсся именно к своей любимице, прыгнул на грудь и уцепился всеми четырьмя лапами за халат. Значит, сразу узнал. Ну, такая любовь, конечно, не случайна. Малыш привязывался именно к тому, кто его больше ласкал, баловал, чаще возился с ним. И вот бывало приходит в ясли дежурная няня. Все малыши радуются, тянутся к ней, но один какой-нибудь особенно неистовствует, прямо готов сквозь прутья клетки пролезть. Значит, пришла его самая любимая.

А вот в комнату вошёл врач. Картина совсем иная: все малыши сразу попрятались в дальние уголки, прижали к груди простынки и враждебно покрикивают: «Ух, ух, ух!» Врача никто не любит. Да и как же его любить, когда он суёт в рот невкусные лекарства, выслушивает, выстукивает. А вот поиграть трубочкой или

молоточком никогда не даст. Вот его и не любят.

Как-то решили выяснить: что, если кому-нибудь из малышей показать фотокарточки. Разглядит он, кто на них изображён, или нет? Был тогда в яслях гамадрилёнок Кирка-Богатырка. Ему-то однажды и показали сперва фотокарточку любимой няни — Зои.

Кирка внимательно поглядел на неё и вдруг радостно запищал, стал тянуться к ней лапами, будто узнал свою любимицу. Но было не ясно, в чем тут дело: действительно ли узнал он Зою, или просто тянется к интересной картинке. Тогда вместо этой карточки показали ему другую — портрет врача. Как сразу изменилось лицо у Кирки! Сперва он бросился к этой карточке, потом, очевидно, увидел, что там совсем не Зоя, отскочил прочь и даже заахал: «Ах, ах, ах!..»

Тогда убрали карточку врача и опять показали Зоину. Кирка обрадовался, стал тянуться к портрету, даже губами зачмокал от удовольствия. Вообще интересный был малыш: крупный, сильный и по-своему очень красивый. За это его и прозвали Кирка-Богатырка.

А когда ему исполнился год, в питомнике устроили даже день рождения Кирки. К этому дню выпустили специальную стенгазету и испекли пирог. А одна из нянь сделала Кирке подарок: подарила ему детское металлическое ведёрко для песка.

Такому подарку Кирка очень обрадовался. Он целый день не расставался с этим ведёрком: таскал его за дужку, лазил с ним по клетке. Потом случайно заглянул в блестящее донышко, а там, как в зеркальце, — его мордочка. Кирка этим страшно заинтересовался, начал разглядывать себя, строить рожицы. Целый день возился с подарком, даже уснул, не выпуская его из рук.

Вообще подарок удался на славу. С этим ведёрком Кирка обращался очень осторожно: не ломал его, играл с ним не меньше полугода.

А потом попало это ведёрко как-то к другой обезьяне, ну, тут ему и пришёл конец. Зато Кирка долго никак не мог успокоиться, свою игрушку забыть.

ЗАГАДКИ

Рис. Ю. ВАСНЕЦОВА
Стихи Н. НАЙДЁНОВОЙ

До чего ж стараются
Внучка, бабка, дед!..
А каких помощников
На картинке нет?

Лиса обманщицей была,
Лиса зайчишку прогнала.
Не надо, зайчик, горевать.
Ей всё равно не сдобровать!
Ребята, кто придёт с косой?
Кто здесь расправится с лисой?

Ласточка на карнизе

НАТАЛИЯ МЕНДЕЛЬСОН
Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

— Полно тебе, Сашок, с крапивой драться, — сказала мама, выглянув из окна. — Лучше поучи Настюшку ходить, а то она всё только ползает.

Сашок поддел на палку крапивные плети и перекинул их через забор.

— Вставай, Настя, — сурово сказал Сашок маленькой сестрёнке.

Девочка оперлась ручками о землю и, покачнувшись, встала на ноги. С пёстрого платья посыпался на дорогу песок.

— Шагай за мной! — скомандовал Сашок. — Ноги ставь крепко, вот так! — и он затопал босыми ногами, поднимая пыль.

Настюшка сделала всего два шага и снова встала на четвереньки.

— Совсем не хочет ходить на двух ногах, — обиделся Сашок.

Он поднял сестрёнку с земли и поставил на ноги.

— Ну, держись за меня крепче.

Настюшка ухватилась за трусики брата, засеменила и упала. Сашок, делая большие шаги, прошёлся перед сестрёнкой.

— А вот как солдаты ходят. — Сашок протопал обратно, высоко поднимая исцарапанные коленки. — Ну, поняла теперь?

Но Настюшка не смотрела на брата, а засовывала в рот тёмнорозовую кашку.

— Вот с ней всегда так: ей говорят, а она не слушает. Устал я с тобой, — сказал Сашок и лёг на спину в траву.

В глаза ему смотрело чистое синее небо.

В воздухе скользнула ласточка.

Сашок посмотрел ей вслед. Птица подлетела к гнезду под выступом крыши. Ласточка прицепилась к гнезду и, чирикнув, отлетела от него. Она подлетала к своему домику и вновь уходила ввысь, как будто манила кого-то. Но вслед за ней никто не летел.

Тогда ласточка впорхнула в гнездо. И сразу же из гнезда выпал птенец. Видно, ласточка вытолкнула его. Птенец часто замахал крылышками и полетел.

Старая ласточка летала со своим птенцом, терпеливо обучая его. Иногда они отдыхали на тонких ветках. А потом улетали далеко в сад и снова возвращались.

Сашок хотел побежать к маме и рассказать ей, что он видел, но вспомнил про Настюшку. Настюшка тихо сидела

на бугорке и царапала шишкой свою ногу.

Сашок заботливо согнал муравья, бежавшего по руке сестрёнки, и сказал:

— Вставай, Настюшка. Буду учить тебя ходить.

И потопали брат и сестра по дорожке.

Впереди — Настюшка, сбивает ботинками белые одуванчики, а сзади — Сашок. Держит сестрёнку за поднятые руки, как за крылышки, будто она вот-вот улетит.

ВЛ. ЛАДЫЖЕЦ

БОТИНОЧКИ

Гоп-гоп, чики-чики!
Мне купили черевики.
Я на праздник их обую —
Ну-ка, дайте плясовую!

Как прищёлкну каблуками,
Разведу-ка я руками,
Топну,
Вихрем закружусь —
Всем в обновке покажусь!

А ботинки не простые,
Точно солнцем облитые,
Молодцы, ни дать ни взять, —
Так и просятся плясать!

КУЗНЕЦ

Бьёт кузнец по наковальне,
Бьёт сплеча, во весь замах,
Так, что эхо гулом дальним
Отзывается в горах.
Дзинь-дзинь-дзень,
Дзинь-дзинь-дзень, —
Поёт кувалда целый день.
Будут обручи туги,
Будут пахарям плуги,
Топоры — бондарям,
Молотки — слесарям,
Унесут косарь и жнец
Всё, что выковал кузнец.

Перевёл с украинского Я. Аким

Рис. А. ГОДОВА

БОЛЬШОЙ МЯЧ

В. ИВАНОВ

Вышла Наташа на крыльцо, думает: „Что делать, чем заняться?“

Проходят мимо старшие девочки — первоклассницы. Мяч большой несут и Наташу зовут.

— Пойдём, Наташа, с нами. Мы тебя в большой мяч научим играть.

— Спасибо, — сказала Наташа и, обрадованная, пошла с девочками. Давно ей хотелось в большой мяч научиться играть.

Стали девочки играть в саду. Кричат, смеются, мяч друг другу бросают, а про Наташу забыли. Упал мяч в кусты.

— Достань мяч, Наташенька, — просят девочки.

Наташу долго просить не надо: полезла она в кусты, достала мяч, подала девочкам. Минуты не прошло, опять мяч в кустах.

— Достань мяч, Наташенька, — хором просят девочки.

Достала Наташа мяч, не успела на волдыри от крапивы по́дуть, — опять мяч в кустах! Снова её просят: „Достань!“ Опять достала. И так ещё раз и ещё раз...

Вот достала Наташа мяч из кустов, положила его в круг перед девочками и пошла прочь из сада.

— Куда ты, Наташенька? Почему ты уходишь от нас? Оставайся! — кричат ей девочки.

Обернулась Наташа и ответила:

— Спасибо, я уже научилась мяч из кустов доставать!

Скачет лошадь не простая:
Чудо-грива золотая.
По горам парнишку носит
Да никак его не сбросит.
Есть у лошади сынок—
Удивительный конёк...
Назови конька и книжку
И бесстрашного парнишку.

ЗИМА

З. АЛЕКСАНДРОВА

Зима в подарок нам даёт
Румяные деньки,
Пушистый снег,
прозрачный лёд,
И лыжи, и коньки.

По арифметике весь год
Ты получаешь „пять“.

А вот попробуй, встав на лёд,
Восьмёрку написать!

Хоть щиплет за щеки мороз
И варежки мокры,
Но ей скатиться удалось
С большой-большой горы...

Зима в подарок нам даёт
Румяные деньки.
Скорей на снег,
на скользкий лёд,
На лыжи и коньки!

Рис. В. МАТЮХ

ДВА СОСЕДА

Японская народная сказка

Два соседа на всю деревню славились своей жадностью. Про одного из них рассказывали такую историю. Позвал он своего слугу и говорит ему:

— Гвоздик мне нужно забить. Сходи к соседу, попроси у него молоток.

Пришёл слуга к другому соседу, спрашивает:

— Не одолжите ли вы моему хозяину на некоторое время молоток? Ему нужно гвоздик забить.

— Гвоздик? — испугался сосед. — А какой он, гвоздик, железный или деревянный?

— Железный, — ответил слуга.

— Так, так, — совсем расстроился сосед, — значит, говоришь, гвоздик железный? Так... Молотка-то, конечно, мне не жалко, только нет его у меня сегодня. Я одолжил молоток своему приятелю.

Вернулся слуга к своему хозяину и передал ему весь разговор.

— Ай-ай-ай! — огорчился хозяин. — Вот видишь, какие жадные люди бывают на свете. Молоток мне не дал. Боится, что испорчу. Гвоздь, видите ли, не тот, железный... Ну что ж, делать нечего... Придётся забить гвоздик своим молотком...

Пересказали В. Алексеева, В. Попов

Ёж на пне стоит дрожа,
Иглы дыбом у ежа.
Он не ждал таких чудес:
Это кто в дупло залез?

ПОТИХОНЬКУ, ПОНЕМНОГУ

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Наш знакомый
Мальчик Петя
Не спеша
Живёт на свете, —
В тот же самый
Первый класс
Поступает
В третий раз.

Потихоньку,
Понемногу
Во второй
Найдёт дорогу.
А покуда
Да пока
Дорастёт
До потолка.

Одолев, глядишь,
И третий,
Станет Петя
Дядей Петей.
Перейдёт
В четвёртый класс —
И поженится как раз.

Наконец
Поступит в пятый!
Глядь,
Уже и бородатый!

А в шестой пойдёт,
Когда
Поседеет борода.

Глянет утром он
Спросонок —
Дёрг за бороду
Внучонок:
— Эй, дедуся,
Эй, лентяй,
На урок
Не опоздай!

Рис. Т. АЛЕКСАНДРОВОЙ

ПРО НОС И ЯЗЫК

Шутка

У Кати было два глаза, два уха, две руки, две ноги, а язык — один и нос тоже один.

— Скажи, бабушка, — просит Катя, — почему это у меня всего по два, а язык один и нос один?

— А потому, милая внучка, — отвечает бабушка, — чтобы ты больше видела, больше слушала, больше делала, больше ходила и меньше болтала и нос свой куда не надо не совала.

Вот, оказывается, почему языков и носов бывает только по одному.

Ясно?

ЕВГ. ПЕРМЯК

СИЛАЧИ

Рис. В. ЖАРИНОВА

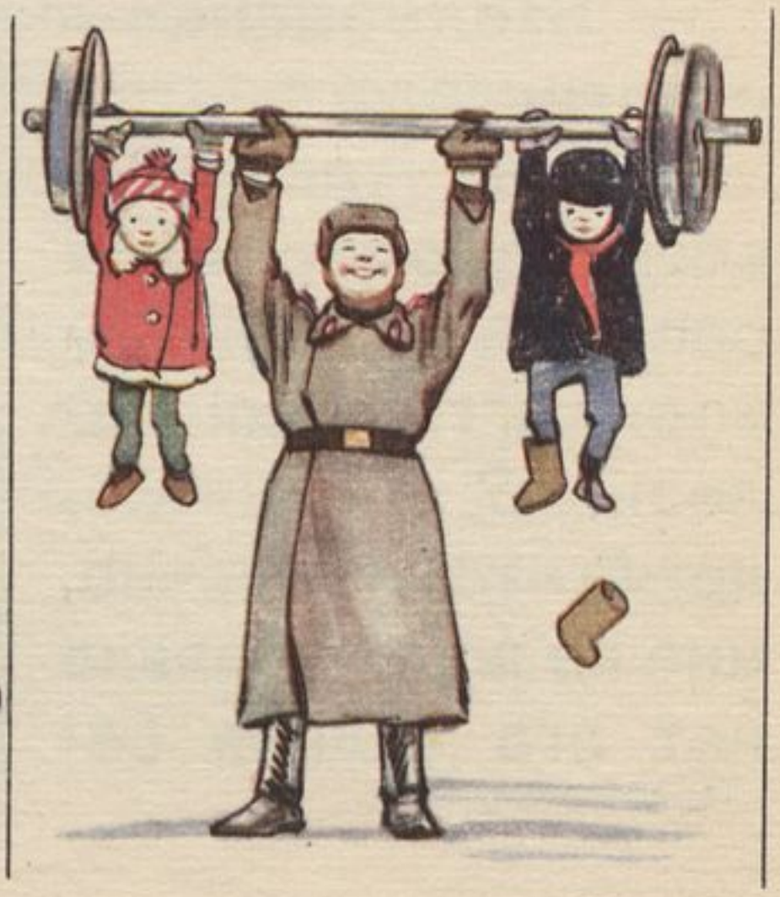

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

СДЕЛАЙ САМ

Вырежьте из бумаги для рисования десять одинаковых фигур по рисунку (отверстие в середине должно быть по размеру чернильницы). Наклейте их одну на другую и, пока клей не высох, прикрутите нитками к какому-нибудь круглому предмету (кастрюле, большой банке). Хвост отогните, как показано на рисунке. Когда клей совершенно просохнет (склеивают смесью столярного и мучного клея), нитки снимают и фигурку раскрашивают.

Выкройку головы котёнка можно склеить из четырёх слоёв такой же бумаги, раскрасить, а затем полукруглое окончание шеи отогнуть по пунктиру (два слоя в одну сторону, два — в другую) и приклеить к туловищу. Вот подставка для чернильницы и готова.

Рисунок на обложке Т. Ерёминой „В детской школе плавания" *Макет А. Паукова*

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, В. ЩЕГЛОВ

Художественный редактор О. Камнин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцать второй **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А06676 Подп. к печати 27/XII 1955 г. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 850 000 экз. Заказ 2675

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

903-

«Зима».
Фёдоров Николай.
7 лет. Москва.

Лиза Брантман,
6 лет. Москва.

«Джигит на лошади».
Григорьев Владимир,
6 лет. Барановичи.

«Дятел белке домик конопатит».
Мишутин Игорь,
6 лет. Минск.

«Горка».
Тарелов Леонид,
9 лет. Ленинград.